
ОТЕЦ ОТЕЧЕСТВА

ОБРАЩАЯСЬ к ранним летам жизни необыкновенного царя, невольно стремишься найти на берегах пресловутой реки времени ранние свидетельства неординарности Петра и поэтому особенно внимательно рассматриваешь его учебные тетради, первые письма, записки.

Но ничто не говорит нам о грядущем гении. Мальчик, родившийся в день Исаакия Далматского, 30 мая 1672 года, ничем особенным не отличался от своих многочисленных братьев и сестер. Брак Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной Нарышкиной, заключенный 22 января 1671 года, был для 40-летнего царя вторым. От предыдущего брака, с Марией Ильиничной Милославской, родилось 13 детей, среди которых были Федор, Иван и Софья. В 1676 году Алексей Михайлович умер, передав престол старшему из сыновей — Федору Алексеевичу, юноше болезненному и хилому. Федор правил недолго — в конце апреля 1682 года он умер. На совете высших сановников государства судьба трона решается в пользу не следующего по старшинству сына Алексея Михайловича — Ивана, а 10-летнего Петра. Это неожиданное решение было вызвано как активными интригами Нарышкиных, вошедших вслед за молодой царицей во дворец, так и тем обстоятельством, что живой, здоровый мальчик много выигрывал в сравнении со своим старшим братом Иваном, как бы несшим на себе черты вырождения. Возможно, что осознание этого факта, помимо политической борьбы, повлияло на ответственное решение Боярской думы нарушить традицию передачи трона по прямой мужской нисходящей линии от старшего (Федора) к младшему (Ивану).

Однако группировка Нарышкиных недооценила противника. Милославские во главе с властной, честолюбивой царевной Софьей сумели возбудить недовольство стрельцов и с их помощью 15 мая 1682 года совершить кровавый государственный переворот. На престоле утвердился триумвират: к Петру присоединился Иван, а соправительницей на правах регентши была провозглашена

Московский кремль в начале XVIII века. Гравюра Бликланда.

Софья — ситуация для Петра в политическом смысле вполне тупиковая. Вдовая царица Наталья Кирилловна со всеми домочадцами выехала из Кремлевского дворца и поселилась в Преображенском — одной из пригородных резиденций, кольцом окружавших тогдашнюю Москву.

Все эти события, совершавшиеся независимо от воли и желаний Петра, стали как бы фоном начальных лет жизни будущего реформатора России, и они же определили многое из того необычайного, что впоследствии составило его яркую индивидуальность.

По великолепным книгам Ивана Забелина «Быт московских царей» и «Быт московских цариц» мы можем вполне реально представить себе жизнь двора, царской резиденции. Коротко говоря, Кремль XVII века — это мир церемоний и условностей, складывавшихся столетиями стереотипов поведения, освященная традициями замкнутая система, в целом мало способствовавшая развитию индивидуальности. Ни одно публичное мероприятие с участием царя не обходилось без соблюдения довольно жестких церемониальных условий. Выезды самодержца за пределы Кремля — а это, как правило, были богоугодные поездки по окрестным монастырям или церквам — воспринимались как события государственного значения. Даже выход царя на лед Москвы-реки 6 янва-

ря к «иордани» — ритуальной проруби — в традиционный праздник водосвятия обставлялся как важное событие и назывался «походом», причем в Кремле — по терминологии тех времен «в Верху» — оставалась назначенная царем специальная комиссия бояр и других думных чинов для того, чтобы на время отсутствия царя государству «не убыло и потери не было».

Силою политических обстоятельств Петр был как бы выброшен из этой системы. Разумеется, он появлялся в Кремле в дни официальных праздников и аудиенций, но все это было чуждо ему и даже, зная отношение к нему родственников по отцу, враждебно. Преображенское с его бытом летней царской дачи — резиденции, окруженной полями, лесами, дало ему то, что резко способствовало развитию его способностей, — свободу времяпровождения с минимумом обязательных занятий и максимумом игр, которые, как и всегда бывает у мальчишек, носили военный характер, с годами усложнялись, а так как участниками их были не куклы, а живые люди, то обучающее и развивающее значение этих игр было огромно. Уже здесь проявились присущие Петру природные данные: живость восприятия, неугомонность и неиссякаемая энергия, страстность и самозабвенная увлеченность игрой, незаметно переходящей в дело. Благодаря этому «потешные» солдаты и английский бот, найденный в сарае, не остались только игрушками, а стали началом будущего грандиозного дела, преобразовавшего Россию.

Важно еще одно обстоятельство. Совсем рядом от Преображенского располагалась так называемая Немецкая слобода — Кокуй, поселение иностранцев, приехавших в Россию из разных европейских стран. По традиции того времени это поселение купцов, дипломатов, ландскнехтов было отделено от города оградой. Кокуй был своеобразной моделью Европы, где рядом — так же тесно, как в Европе, — жили католики и протестанты, немцы и французы, англичане и шотландцы. Этот странный, непохожий на Москву мир Кокуя занимал любознательное внимание Петра первоначально, вероятно, как редкость, курьез, привлекал своей непохожестью с миром Кремля, Преображенского. Знакомство с иноземцами — интересными, образованными людьми Францем Лефортом, Патриком Гордоном, непривычные вещи, обычаи, многоязычие, а потом и первые интимные впечатления в доме виноторговца Монса, где жила его дочь, красавица

Анна,— все это облегчило Петру (предки которого мыли руки из серебряного кувшина после церемонии «допуска к руке» иностранного посла) преодоление невидимого, но прочного психологического барьера, разделявшего два чуждых друг другу мира — православной Руси и «богопротивной» Европы, барьера, который и ныне преодолевать так нелегко.

Приход к власти Петра летом 1689 года стал разрешением давно зревшего политического кризиса, вызванного неестественным состоянием фактического двоевластия. Но, как и в мае 1682 года, в августе 1689-го Петр был в значительной степени влеком ходом событий, не направляя их. Благоприятные обстоятельства способствовали свержению Софьи и практически бескровному переходу власти самодержца к нему.

Тогда эта власть еще не была нужна ему как рычаг для реформ, идеи их еще не созрели в сознании Петра. Именно поэтому еще десять лет длился для России ее «настоящий» XVII век, в точности совпавший с веком календарным. Но и это десятилетие не пропало даром для Петра — гений его зрел, чтобы в конце этого десятилетия, на грани двух веков, выплеснуть на страну целый поток идей, ее преобразивших.

Нужно выделить три важных события тех лет, повлиявших на становление Петра-реформатора. Во-первых, это поездка в Архангельск в 1693—1694 годах. Обыкновенное «потешное» путешествие в город на Белом море, несомненно, стало крупным событием в жизни молодого царя. Он впервые увидел настоящее море, настоящие корабли, совершил первое плавание в беспокойной и опасной стихии, так непохожей на гладь прудов Подмосковья и Плещеева озера. Это дало мощный толчок фантазии, появилась мечта о море для России, возник подлинный культ корабля, морской стихии. С той архангельской поры, как писал М. Богословский, «шум морских волн, морской воздух, морская стихия тянут его к себе и с годами сделаются для него необходимой потребностью. У него разовьется органическое стремление к морю»¹.

Действительно, как так получилось, что море и корабли заняли особое место в жизни этого человека, все предки которого родились и умерли, видя перед собой лишь всхолмленные просторы Великорусской равнины? Как курица, воспитавшая уплывающего от нее утенка, беспокоилась на берегу мать Петра Наталья Кирилловна,

Архангельск. Гравюра XVII в.

посылая в Архангельск одно за другим тревожные письма: «Сотвори, свет мой, нада мною милость, приезжай к нам, батюшка наш, не замешкав. Ей-ей, свет мой, велика мне печаль, что тебя, света своего, радости, не вижу. Писал ты, радость моя, ка мне, что хочешь всех кораблей даждатца и ты, свет мой, видел каторыя прежде пришли. чево тебе, радость моя, тех... даждатца? Не презри, батюшка мой свет, моего прашения, о чем прасила выше сего. Писал ты, радость моя, ка мне, что был на море и ты, свет мой, обещался мне, что было не хадить...»².

Но изменить уже ничего было нельзя, корабли, море стали судьбой Петра, были с ним наяву и даже во сне. Сохранившиеся записи снов, которые делал царь уже в зрелые годы, отражают эту всепоглощающую страсть Петра: «1714 г., ноября с 9-го на 10-е: сон видел: [корабль] в зеленых флагах, в Петербурге... Сон видел, тогда как в Померанию вошли: что был я на галиоте, на котором мачты с парусы были не по препорции, на котором галиоте поехали и обрат его оборотили на бок и воды захлебнулось, с которого попадали и поплыли к другому борту, и обратно к дому, и после поехали, и у себя приказал воду выливать»³.

Опытный глаз старого моряка и корабеля не мог не заметить даже во сне неправильное парусное вооружение корабля, на который поместил его Морфей. После этого понятно становится то уважение, которое испытывал Петр к живописи художника-мариниста голландца Адама Стило, не позволявшего себе художественных вольностей при изображении рангоута и такелажа.

Токарь Петра Андрей Нартов в своих воспоминаниях рассказывает о восторге царя при виде маневров английского флота в 1698 году: «Из многочисленных кораблей составленный флот в присутствии его чинил разные эволюции и довел сим государя до такого восхищения, что будто бы он от радости, не постыдясь, после сего командовавшему адмиралу при прочих флотских офицерах сказал, что он на сей случай звание английского адмирала предпочитает званию царя Российского. Толико влюблен был царь Петр в морскую службу! Но я знаю достоверное, понеже я слышал из уст монарших, что он сказал так: „Если бы я не был царем, то желал бы быть адмиралом великобританским“».

О том же пишет английский капитан Д. Перри, близко узнавший Петра уже в России: «Мне не раз доводилось слышать от него самого о намерении его совершить поездку в Англию, как только в собственной стране его восстановится спокойствие, и в те минуты, когда он находился в веселом расположении духа, он часто объявлял своим боярам, что жизнь английского адмирала несравненно счастливее жизни русского царя»⁴.

Это восторженное отношение к морю и кораблям он сохранял до конца своих дней. Ни один спуск корабля или крупные морские походы не обходились без его участия. Он скучал, оторванный от любимого морского дела. Весной 1711 года Петр отправился в Прутский поход, из которого писал Меншикову, сообщившему ему о начале навигации на Балтике: «Благодарствую о извещении тамо благополучному начанию весны и выводу флота, однакож при том и не без грусти, ибо от обеих флотов лишен». В другом письме по поводу раннего начала навигации он шутит: «Что же Нева только три месяца стояла, то я думаю, что Нептунус зело на меня гневен, что в мою бытность ни однажды такую короткою зимою не порадовал, и хотя я всем сердцем ко оному всегда пребываю, но он ко мне зело несклонен...»⁵

Думаю, что увлечение морем — не случайность, не каприз, что было какое-то неуловимое соответствие, со-

звучие внутреннего мира Петра образу, идее движущегося корабля — символа разумной организации мира — той, к которой своими путями стремился Петр, а также — борьбы с сопротивляющейся, слепой и могучей стихией волн. Чуть ниже я остановлюсь на этом подробнее.

Вторым важным событием тех лет стали Азовские походы 1695—1696 годов — война с Турцией за выход к Азовскому морю. Здесь, на южных рубежах, произошла в эти годы генеральная репетиция тех событий, которые в других, более грандиозных и драматических масштабах развернулись в начале XVIII века уже на западных рубежах. Первоначальные неудачи со взятием Азова, строительство флота в Воронеже, наконец, военная победа над серьезным соперником, возведение на берегу Азовского моря нового города, отличного от традиционных русских городов, — Таганрога — все это мы потом встречаем на берегах Невы и Балтики. Для Петра Азовские походы были первой военной школой, которая, хотя он и оценивал ее впоследствии скептически, все же принесла ему несомненную пользу. Опыт управления большой армией, осады и штурма сильной крепости не прошли даром для военного гения Петра. Не менее важно и то, что здесь, под стенами Азова, в сознание Петра вошло представление о своем месте, «должности», роли в жизни России. Именно с Азовских походов, а не с момента воцарения, как справедливо заметил советский историк Н. И. Павленко, Петр вел впоследствии отсчет своей «службы» на троне⁶. Именно идея служения России, как он это понимал, стала главным стержнем его жизни, наполняла для него высшим смыслом все его действия и поступки, даже самые неблагоприятные и сомнительные с точки зрения тогдашней морали.

Наконец, третьим событием, повлиявшим на становление личности будущего преобразователя России, стала его длительная поездка за границу в составе Великого посольства в 1696—1697 годах. Петр ехал не как член делегации, а как сопровождающее лицо, среди других дворян и слуг. Это дало ему значительную свободу, позволило детально познакомиться со многими сторонами жизни Голландии, Англии и других стран. И дело было, конечно, не только в обучении мастерству кораблестроителя на голландских и английских верфях. Петр впервые увидел западноевропейскую цивилизацию во всем ее военном и культурном могуществе, почувствовал ее дух, смысл и си-

Русское посольство в Гааге в 1697 году. Гравюра Маркуса.

Праздник в Амстердаме в честь прибытия Великого посольства 16 августа 1697 года. Рисунок и гравюра Мушерона.

лу. Он вывез из Европы не только знания, впечатления, трудовые мозоли, но и идею, которую для себя формулировал предельно просто: чтобы сделать Россию столь же сильной, как и великие державы Европы, необходимо как можно быстрее перенять у Запада все необходимое. Именно тогда окончательно оформилась ориентация Петра на западноевропейскую модель жизни, и это означало автоматически отрицание жизни старой России, последовательное и порой ожесточенное неприятие, разрушение старого, ненавистного, того, что ассоциировалось с врагами: Софьей, стрельцами, боярством.

Ко времени Великого посольства относится одно любопытное свидетельство — письмо ганноверской принцессы Софии, в котором она очень непринужденно передает свои впечатления от встречи с молодым русским царем 11 августа 1697 года в городе Коппенбрюке. Письмо это — живой документ своего времени — особенно ценно тем, что автор его свободен от предвзятости и литературных влияний, которые неизбежно испытывал современник, встречавшийся с Петром позже, когда слава о его гении и победах широко разлилась по Европе.

«Царь — высокий мужчина с прекрасным лицом, хорошо сложен, с большой быстротой ума, в ответах скор и определителен, жаль только, что ему недостает при таких природных выгодах полной светской утонченности. Мы скоро сели за стол. Наш камергер Коппенштейн сделался маршалком и поднес е. в. салфетку. Царь не понял, что это значит, потому что в Бранденбурге употребляют еще умывальницы и полотенца. Е. в. сел между мною и моей дочерью, а около нас посадил по переводчику. Мы были очень веселы, вели себя вольно, говорили свободно и вскоре чрезвычайно подружились. Дочь моя и царь поменялись даже табакерками: на его был изображен вензель царя, и дочь моя бережет ее как клейнод. Мы, правда, очень долго сидели за столом, но проводили время чрезвычайно приятно, потому что царь был очень весел и беспрерывно говорил. Дочь моя заставила петь своих итальянцев. Царю это понравилось, но он заметил, что этот род музыки ему не совсем по душе. Я спросила, любит ли царь охоту? Он отвечал, что отец его был страстный охотник, но он с детства получил непреодолимую страсть к мореплаванию и к фейерверкам и что он сам любит строить суда. Он показал нам руки и дал ощупать, как они загрубели от работ. После обеда царь велел позвать

Петр I в матросском платье
в Саардаме. Гравюра Мар-
куса.

своих скрипачей и мы стали танцевать. Он выучил нас танцевать по-московски, что гораздо милее и красивее, чем польский танец. Мы танцевали до четырех часов утра... [Петр] совершенно необыкновенный человек. Его нельзя описать и вообразить, а надо видеть. У него славное сердце и истинно благородные чувства. Он при нас совсем не пил, зато люди его — ужасно, как мы уехали».

В следующем письме, описывая новую встречу с Петром и отмечая в нем «много хороших свойств и бездну ума», принцесса приводит забавную деталь: «Но в танцах, говорят, наши корсеты показались им костями, и царь будто бы сказал: „Какие чертовски крепкие кости у немок“»⁷.

В этих письмах отмечены те черты личности Петра, обращать внимание на которые впоследствии стало своеобразной хрестоматийной обязанностью мемуаристов, а потом и историков. Однако, желая дать полную картину, нельзя избежать при дальнейшем изложении подобных замечаний, характеристик, наблюдений, ибо они отражают действительно необычайные черты этого самодержца «всеа Руси», вовсе не присущие его современникам — коронованным особам Запада.

Первое, на что обращали внимание наблюдатели и что их более всего поражало в Петре, — это его необычайная внешность, простота образа жизни и демократизм в общении с людьми разных слоев общества.

Его современник — автор вышедшей в 1713 году в Лейпциге книги, — вспоминая поразившие его в царе

привычки и черты, писал: «Его царское величество высокого роста, стройного сложения, лицом несколько смугл, но имеет правильные и резкие черты, которые дают ему величественный и бодрый вид и показывают в нем бесстрашный дух. Он любит ходить в курчавых от природы волосах и носит небольшие усы, что к нему очень пристало. Его величество бывает обыкновенно в таком простом платье, что если кто его не знает, то никак не примет за столь великого государя... Он не терпит при себе большой свиты, и мне часто случалось видеть его в сопровождении только одного или двух денщиков, а иногда и без всякой прислуги»⁸.

Совершенно одинаково он вел себя и за границей, и дома. Шведский дипломат Прейс, встречавшийся с Петром в 1716—1717 годах в Амстердаме, среди особых черт царя отмечал: «Он окружен совершенно простым народом, в числе его перекрещенец-еврей и корабельный мастер, которые с ним кушают за одним столом. Он сам часто и много ест. Жены и вдовы матросов, которые состояли у него на службе и не получали следующих им денег, постоянно преследуют его своими просьбами об уплате...»⁹.

Он мог появиться в любом уголке Петербурга, зайти в любой дом, сесть за стол и не погнушаться самой простой пищей. Не оставался он равнодушен к народным развлечениям и забавам. Вот только два отрывка из дневника Берхгольца, камер-юнкера голштинского герцога Карла-Фридриха, от 10 апреля и 5 ноября 1724 года, достаточно хорошо иллюстрирующих вышесказанное: «Мы узнали, что в этот день после обеда император со многими офицерами качался у Красных ворот на качелях, которые устроены там для простого народа по случаю праздника, что было уже один раз за несколько дней перед тем»; «У одного немецкого булочника, живущего в соседстве императорского Зимнего дворца, была свадьба... Император, вероятно мимоездом, услышав музыку и любопытствуя видеть, как справляются свадьбы у этого класса иностранцев, совершенно неожиданно вошел в дом булочника с некоторыми из своих людей, приказал накрыть там два особых стола, один для себя, другой для своей свиты, и более трех часов смотрел на свадебные церемонии и танцы. Во все это время он был необыкновенно весел».

Можно представить себе изумление иностранного гос-

тя, проделавшего длинный путь в Россию и почти сразу же встретившегося с необыкновенным властителем 30 ноября 1709 года датский посол Юст Юль так записал в свой дневник встречу с Петром в Нарве:

«Лишь только я с подобающим почтением представился царю, он спросил меня, однако через посредство толмача, о здоровье моего всемилостивейшего короля, я отвечал ему надлежащим выражением благодарности. Далее он осведомился, не служил ли я во флоте, на что я ответил утвердительно. Вслед за этим он тотчас сел за стол, пригласил меня сесть возле себя и тотчас начал разговаривать со мною без толмача (в донесении от 12 декабря Юст писал, что Петр «принялся рассуждать о вещах по морской части». — *Е. А.*), так как сам говорил по-голландски настолько отчетливо, что я без труда мог его понимать; со своей стороны и он понимал, что я ему отвечаю. Царь немедленно вступил со мною в такой дружеский разговор, что казалось, он был моим ровнею и знал меня много лет. Сейчас же было выпито здоровье моего всемилостивейшего государя и короля. Царь собственноручно передал мне стакан, чтоб пить эту чашу. При нем не было ни канцлера, ни вице-канцлера, ни какого-либо тайного советника, была только свита из 8-ми или 10-ти человек. Он равным образом не вез с собою никаких путевых принадлежностей — на чем есть, в чем пить и на чем спать. Было при нем несколько бояр и князей, которых он держит в качестве шутов. Они орали, кричали, дудели, свистали, пели и курили в той самой комнате, где находился царь. А он беседовал то со мною, то с кем-либо другим, оставляя без внимания их орание и крики, хотя нередко они обращались прямо к нему и кричали ему в уши.

Царь очень высок ростом, носит собственные короткие коричневые, вьющиеся волосы и довольно большие усы, прост в одеянии и наружных приемах, но весьма проницателен и умен. За обедом у обер-коменданта царь имел при себе меч, снятый в Полтавской битве с генерал-фельдмаршала Рейншильда. Говоря вообще, царь, как сказано в дополнении у Курция об Александре Великом: «он утверждал, что тревожные заботы о своем теле подобают женщинам, у которых кроме этого нет ничего, если же ему удастся приобрести доблесть, то он будет достаточно красив». Он рассказывал мне о Полтавской битве, о чуме в Пруссии и Польше...»¹⁰

Павикадило, точенное Петром I. С рисунка начала XIX в.

Любопытно малоизвестное свидетельство о Петре, которое оставил сержант Никита Кашин. Конечно, записанный много лет спустя рассказ очевидца приглашен временем и затерт многочисленными повторениями, но все же он достаточно точно передает образ, стиль жизни, привычки Петра, замеченные простым солдатом, долгие годы видевшим царя совсем близко. Этот рассказ вполне проверяется другими источниками. Любопытно и не встречающееся нигде более упоминание о голосе Петра — мы так привыкли, что голоса людей далекого прошлого не слышны нам сквозь толщу столетий, и история часто кажется немой. «...Во время обедни сам читал апостол: голос имел сиповатый и негромкий. Лицем был смугл, ростом несколько сутоловат. Когда от пристани шел к церкви (Троицкой.—Е. А.), то всегда из народа был виден: один только великан его цесарец был выше его полуаршином. В торжественные дни приезжал на верейке, у пристани ожидал во всем уборе аргамак, которого вели до церкви. По окончании службы государь заходил со всеми генералами и министрами в питейской дом близ мосту у Петропавловских ворот. Сам выкушивал анисной водки и потчивал других. По полудни, в определенный час, все министры, генералы и резиденты иностранные собирались на Почтовой двор, где государь

угощал обедом, а к вечеру огненной потехой с различными изображениями: во дворце того никогда не бывало».

Особый интерес представляет раздел воспоминаний Кашина «Домашняя жизнь Петра Первого» — достаточно цельный рассказ о быте царя: «Государь Петр Великий вставал всякой день за два часа до свету или и более, судя по времени. Входил в токарню, точил разные вещи из кости и дерева, а на первом часу дня, то есть на рассвете, выезжал для осматривания строений и прочаго. Всякой день по дорогам был наряд коляскам, а у пристани шлюпке и верейке, которые дожидались до вечера. Куда же поедет государь, никто о том не знал. Особливо в Сенате редкой день не бывал, просителям же часто говорил: „Приходите, братцы, завтра в Сенат, там рассмотрим дело“. В дом его величества ни в простые, ни в торжественные дни не позволялось никому входить ни с прошением, ни с посещениями. Доступ к нему имели туда только граф Федор Матвеевич адмирал Апраксин, светлейший князь Меншиков и канцлер Гаврила Иванович Головкин. В пище государь был умерен и любил кушанье горячее. Кухня была во дворце об стену со столовою: в стене сделано было окошко, в которое подавали кушанье. После обеда отъезжал государь отдыхать на яхту. Оттуда для прогулки отправлялся на Петербургский остров, ходил по рядам в Гостином дворе, приценился к товарам, пересматривал, чтобы все было порядочно... В летнее и осеннее время по проведенной першпективе (Невскому проспекту. — Е. А.) и по прочим улицам государь Петр Великий ходил пешком: летом в кафтане, в бархатном черном картузе, а осенью — в сертуке суконном серо-немецком, в белой овчинной калмыцкой шапке навыворот. Есть ли кто, встретясь с ним, снимал шапку и проходил, не останавливаясь, то и государь, поклонясь, то же делал. А ежели кто останавливался, то государь тотчас подходил к нему и, взяв за полу, спрашивал: „Что ты?“ Услышав же, что он остановился для его величества, государь ударял его тихо по голове рукою, говоря: „Не останавливайся, поди, куда идешь!“»¹¹.

Действительно, известно, что Петр сознательно избегал повсеместных проявлений того особого полубожественного почитания личности русского царя, которым окружались с незапамятных времен его предшественники на троне. Причем создается впечатление, что Петр делал это умышленно, демонстративно нарушая принятый

и освященный веками этикет. При этом было бы неправильно думать, что подобным пренебрежением обычаями он стремился разрушить почитание верховной власти, поставить под сомнение ее полноту и священность для подданных. В его отношении к величию и значению власти самодержца прослеживается иной, основанный на принципах рационализма, подход, о чем будет подробно сказано чуть ниже.

Столь поражающая наблюдателей манера поведения Петра одним казалась капризом, причудой, другим — особенно в народной среде — верным признаком его «подмененности», ложности. А между тем непоседливый, активный в своих проявлениях царь выбрал единственно удобный, естественный для него образ жизни, невозможный при соблюдении традиционных ритуальных норм. Невозможно представить общение Петра со своими подданными на улицах Петербурга, если бы они при его появлении, согласно традиции, валились бы в грязь и боялись поднять головы.

Сохранился указ 1722 года, служивший, по-видимому, дополнением к Уставу воинскому. В нем говорилось: «Почтение своему государю подданные хотя и вяще прочим воздавать должны, аднакож церемонии оному не всегда чинить надлежит, но о иных спрашиваетца, чинить ли; иные же весьма в случае отставить яко следует: когда в войске командует и во время приближения неприятеля под караул подымут, знаменами укроютца и тем дадут знать неприятелю о его персоне и прочее тому подобное, в сей случай сие *не токмо не удобно, но и вредительно есть*». Перечисляя иные виды приветствия императора, Петр пишет, что необходимо предварительно спрашивать у него, ибо «выступление солдат всех с ружьем в строй не всегда потребно, ибо иногда желает, чтоб не весьма голосен его проезд был, иногда же частого ради сего употребления оному наскучит»¹².

В истории нашей страны мы знаем весьма мало властителей, которым когда-либо мог «наскучить» пышный ритуал полубожественного почитания и поклонения. Конечно, необыкновенное поведение царя — «работника на троне» — не могло не вызвать к его личности глубокой симпатии потомков, чаще сталкивавшихся как раз с иной манерой поведения, иным образом жизни позднейших правителей, лишенных подчас даже малой толики гения,

присущего Петру. Но в чем же суть, смысл такого поведения царя?

Для начала не будем излишне обольщаться демократизмом первого императора. Не все так просто и однозначно. В довоенном фильме «Петр Первый» есть один замечательный по своей выразительности эпизод. Иностранный дипломат, впервые попавший на петровскую ассамблею, поражен, увидев Петра за столом в окружении шкиперов и купцов. Он вопрошает стоящего рядом П. П. Шафирова: «Говорят, царь прост?» На это вице-канцлер с улыбкой отвечает: «Государь прост в *обращении*».

Общеизвестно, что при дворе Петра существовал, выражаясь «высоким штилем», культ Бахуса, а проще говоря — довольно безобразное пьянство. Официальные, религиозные и иные празднества нередко сопровождались многодневными попойками, в которых принимали участие все крупнейшие деятели государства. «Служение Бахусу» считалось своеобразной доблестью, которой было принято кичиться, ожидая одобрения царя. Вот одно из типичных писем на эту тему. Князь В. В. Долгорукий в 1711 году пишет из Торна заболевшему Петру: «На день виктории Левенгауптской (т. е. победы при Лесной в 1708 году. — Е. А.) здоровье ваше так пили мощно, все пьяны были. Такие были фейерверки, как не видали... А вам, чаю, завидно, что за лекарством нельзя пьяным быть, однакож мню, хотя не все, а кто-нибудь пьяны были. Изволь к нам об этом описать»¹³.

Сам Петр немало способствовал такому отношению к безобразным попойкам, ставшим характерным для жизни двора и абсолютно не свойственным ни жизни двора его преемников, ни тем более его предшественников, исключая, пожалуй, опричный двор Ивана Грозного, где безобразные вакханалии имели подчас кровавый оттенок пьяного палачества*.

Объяснений этому, по современным нормам прискорбному, явлению много. Это и известные традиции карна-

* Конечно, ничего подобного не было при Петре. Любопытно его письмо Ф. М. Апраксину, которое он писал 16 марта 1703 года, на следующий день после грандиозной попойки в доме адмирала: «Я как поехал от вас не знаю, понеже был зело доволен Бахусовым даром. Того для всех прошу, естли какую кому нанес досаду, прощения, а паче от тех, которые при прощании были, и да не памятует всяк сей случай».

вальной, святочной культуры — кутежи все же не были обыденностью, а в большинстве своем были связаны с праздниками, маскарадами, это и не особенно высокий уровень бытовой культуры и представлений об отдыхе. Но в данном случае наше внимание привлекает другое. Юст Юль, вынужденный часто бывать на таких собраниях и против своей воли пить, писал: «На всех пирах лишь только соберутся гости, прежде, чем они примутся пить, царь уже велит поставить у дверей двойную стражу, чтобы не выпускать никого, не исключая и тех, кого рвет. Но при этом сам царь редко выпивает более одной или, в крайнем случае, двух бутылок вина, так что я редко видел его пьяным в стельку. Между тем остальных гостей он заставляет напиваться до того, что они ничего не видят и не слышат, и тут царь принимается с ними болтать, стараясь выведать, что у каждого на уме. Ссоры и брань между пьяными тоже по сердцу царю, так как из их взаимных укоров ему открываются их воровство, мошенничество, хитрости».

В другом месте Юль отмечал: «Царь охотно допускает в свое общество разных лиц, и тут-то на обязанности шутов лежит напавать в его присутствии офицеров и других служащих, с тем чтобы из их пьяных разговоров друг с другом и перебранки он мог незаметно узнавать об их мошеннических проделках и потом отнимать у них возможность воровать или наказывать их».

Что и говорить, такая манера общения явно не укладывается в образ поведения великого царя, известный нам из других источников. Думаю, что здесь нет противоречия. Петр был убежден, что во имя государственных целей можно пренебречь многими моральными нормами. На этом был построен институт фискальства и шире — культура доносов, процветавшая при Петре. Тем более мораль частного, «партикулярного» человека не походила, по мысли царя, на мораль властителя, живущего во имя высших целей государства. Мысли из записной книжки Петра иллюстрируют это. Петр так прокомментировал выражение «Не воздавай неприятелю, когда и лукавство мыслит, ибо совестью больше возвратитца, нежели возмездием»: «Истинно есть вышеписанные слова, когда по прошествии дела, но в настоящем весьма иначе, ибо боротца надлежит, а когда пройдет, не воздавать. Но сие партикулярным персонам надлежит, а

властителем весьма инако, ибо должны всегда мстить и возвращать обиженное от неприятеля своему отечеству».

Но это лишь одна сторона петровского демократизма. Гораздо важнее другая, имевшая далеко идущие последствия. Тот же Юль записал 10 декабря 1709 года: «После полудня я отправился на адмиралтейскую верфь, чтобы присутствовать при поднятии штевней на 50-пушечном корабле, но в тот день был поднят один форштевень, так как стрелы оказались слишком слабы для подъема форштевня. Царь, как главный корабельный мастер (должность, за которую он получает жалованье), распоряжался всем, участвовал вместе с другими в работах и, где нужно было, рубил топором, коим владеет искуснее, нежели все прочие присутствовавшие там плотники. Бывшие на верфи офицеры и другие лица ежеминутно пили и кричали.

В боярах, обращенных в шутов, недостатка не было, напротив, их собралось здесь большое множество. Достойно замечания, что, сделав все нужные распоряжения для поднятия форштевня, царь снял перед стоявшим тут генерал-адмиралом шапку, спросил его, начинать ли, и только по получении утвердительного ответа снова надел ее, а затем принялся за свою работу. Такое почтение и послушание царь выказывает не только адмиралу, но и всем старшим по службе лицам, ибо сам он покамест лишь шаутбенахт. Пожалуй, это может показаться смешным, но, по моему мнению, в основании такого образа действий лежит здоровое начало: царь собственным примером хочет показать прочим русским, как в служебных делах они должны быть почтительны и послушливы в отношении своего начальства»¹⁴.

Мало того, что Петр служил, работал как плотник, он являлся еще и «подданным» шутовского «князя-кесаря» Ф. Ю. Ромодановского, которому писал доношения, челобитные, обращался к нему, как подданный к властителю. Сразу же заметим, что Ромодановский и другие воспринимали это однозначно, как игру, и письма-просьбы Петра понимали как царские указы, подлежащие обязательному исполнению. Тут, конечно, приходит на память Симеон Бекбулатович — вассальный касимовский хан, которому Иван Грозный «передал» престол и писал под именем «Ивашки» уничижительные челобитные. «Отдав» марионетке престол, Иван стремился таким

образом развязать себе руки для нового цикла кровавых расправ с реальными и воображаемыми противниками.

Петр, хотя и уважал Ивана, все же играл в другие игры. Суть их состояла в исполнении «службы». «Служба» — для Петра синтетическое понятие, вобравшее в себя и четкое осознание обязанностей каждого перед государством и государем, и ревностное и честное их исполнение, даже если это сопряжено с риском для здоровья и жизни, и безусловное подчинение воле вышестоящего начальника (что заметил Юль в приведенном выше отрывке), и право на награду за самоотверженный труд или воинский подвиг (об этом сохранились его письма Ромодановскому с благодарностью за присвоение очередного звания). Некоторые прозорливые современники осознавали это, правильно интерпретируя поведение царя как метод воспитания своих подданных, прием пропаганды нового образа жизни.

Автор записок о Петре, секретарь прусского посольства И. Фоккеродт, писал, что сам царь «не имеет никакого преимущества перед другими, а подобно своим товарищам с ружья, даже с барабана и будет выслуживаться постепенно: для такой цели он в этом случае слагал самодержавную власть в руки князя Ромодановского который должен повышать его в чины наравне с другими солдатами по его заслугам и без малейшего потворства. Так, пока жив был вышепомянутый князь, именно до 1718 года, Петр разыгрывал такую комедию, что получил от него повышение в генералы и адмиралы, которые должности ему угодно было возложить на себя. Это объявление имело то действие, что дворяне из самых знатных фамилий, хотя и не покидая и предразсудка о достоинстве своего происхождения... однакож оставались с ним на службе и стыдились заявлять такие притязания, которые могли показать, будто бы они думают быть лучше их государя».

Наблюдения Фоккеродта основательны — еще в 1705 году английский посол Ч. Уитворт писал: «Царь, находясь при своей армии, до сих пор не является ее начальником, он состоит только капитаном бомбардирской роты и несет все обязанности этого звания. Это, вероятно, делается с целью подать пример высшему дворянству, чтобы и оно трудом домогалось знакомства с военным делом, не воображая, как, по-видимому, воображало себе прежде, что

можно родиться полководцем, как родишься дворянином или князем»¹⁵

Практически о том же сообщает в своих записках и А. Нартов. Характеризуя отношение Петра к Ромодановскому на людях, он пишет: «При выездах садился Петр Великий в карете против князя-кесаря, а не рядом с ним, показывая подданным пример, какое оказывает почтение и повиновение к высшей особе. Чин вице-адмирала от князя-кесаря объявлен был царю Петру Алексеевичу, яко бывшему контр-адмиралу, в Сенате, где князь-кесарь сидел посреди всех сенаторов на троне и давал аудиенцию государю при прочтении письменной реляции подвигов его, в образец прочим, что воинские достоинства получаютс^я единственно по заслугам, а не породою и счастьем»¹⁶

Принципиально важно заметить, что Петр понимал службу не просто как добросовестное исполнение обязанностей и подчинение вышестоящему, а как служение государству. Именно в этом он видел смысл и главную цель своей жизни и жизни своих подданных. О роли этого фактора при оценке личности Петра, пожалуй, лучше других сказал Н. И. Павленко: «Пестрота черт характера Петра тем не менее не противоречила представлениям современников и потомков о цельности его натуры. Монолитность образу придавала идея служения государству, в которую глубоко уверовал царь и которой он подчинил свою деятельность, проявлялась ли она в форме необузданной деспотичности или безграничной самоотверженности, происходила ли она в сфере военно-дипломатической или гражданской»¹⁷.

Это наблюдение позволяет дать объяснение тем поступкам и действиям Петра, которые подчас, казалось бы, явно противоречат его характеру, как человека импульсивного, живого, нетерпеливого. Особенно отчетливо это проявлялось в дипломатической деятельности. Достаточно вспомнить историю его отношений с неверными союзниками — датским королем Фредериком IV, польским королем и курфюрстом Саксонии Августом II — историю, в которой Петр, выдающийся дипломат, проявляя редкое терпение, такт, обуздывая свои порывы, сумел достичь важнейшей цели — восстановить после 1706 года Северный союз против Швеции.

Прибывший в 1709 году датский посланник Ю. Юль стремился добиться для Дании помощи со стороны Рос-

сии, для чего вел неоднократно переговоры с Петром. Предоставим слово самому Юсту Юлю: «Ввиду затруднений, с какими... сопряжен порой доступ к царю, я воспользовался нынешним обедом, за которым сидел с ним рядом, чтобы, согласно приказанию моего всемилостивейшего государя и короля, переговорить с ним о разных вещах. Во время этой беседы царь весьма благосклонно и охотно слушал меня и отвечал на все, что я ему говорил. Однако известное лицо, стоявшее с нами, предостерегло меня и за-верило, что само оно слышало, как царь сказал по-русски генерал-адмиралу, что в настоящее время ему очень не хочется говорить со мною о делах. Но так как поручение моего короля требовало, чтобы я снесся с царем, не упуская времени, то я продолжал разговор, и он снова стал слушать меня с прежнею сосредоточенностью и вниманием. Тут, зная положительно (получив, как сказано выше, заверения), что в данную минуту ему докучны мои речи, я с величайшим удивлением убеждался, до какой степени он умеет владеть своим лицом и как ни малейшей миной, ни равно своими приемами он не выдает своего неудовольствия либо скуки»¹⁸.

Удивляться такому поведению импульсивного Петра, вероятно, не следует: царь — весь внимание, так как дело касается интересов государства — того, что было для него превыше всего.

Человек необычайно способный, трудолюбивый, он наслаждался работой, особенно той, которая приносила реальные результаты, была видна всем. В самых разных сферах деятельности он был замечен. Как писал англичанин на русской службе Джон Перри, «о нем можно сказать, что он сам вполне солдат и знает, что требуется от барабанщика, равно как и от генерала. Кроме того, он инженер, пушкарь, делатель потешных огней, кораблестроитель, токарь, боцман, оружейный мастер, кузнец и прочее; при всем этом он часто сам работает собственноручно и сам наблюдает, чтобы в самых мелких вещах, как и в более важных распоряжениях, все было исполнено согласно его мысли»¹⁹.

Несомненно, личный пример служения государству, который Петр самозабвенно демонстрировал на глазах тысяч людей на стапелях верфи, лесах стройки, мостике корабля или на поле боя, был необычайно эффективен, заразителен для одних и обязывающ для других. Петр был искренне убежден, что царствование — это его такая

служба России, что, царствуя, он исполняет свой долг перед государством. Своим примером он призывал и всех своих подданных исполнять свои обязанности так же самоотверженно. Нартов передает: «В бытность в Олонце при питии марциальных вод его величество, прогуливаясь, сказал лейб-медику Арешкину: „Врачую тело свое водами, а подданных — примерами“»²⁰.

Теоретиком абсолютизма архиепископом Феофаном Прокоповичем была выдвинута целая концепция «образцовой, высшей обязанности» царя на его «службе». Самодержец, согласно идее Феофана, поставлен на вершину «чинов», является высшим «чином», в который его определил сам бог, поручив ему нелегкую «службу» управления подданными. Такая божественно-бюрократическая концепция полностью отвечает идеям создателя «Табели о рангах». Размышляя о данных от бога «чинах», Феофан в известной проповеди «Слово в день Александра Невского» (1718 г.) исходит из общих положений о службе: «...всякий чин от бога есть... то самое нужнейшее и богу приятное дело, его же чин требует: мой мне, твой тебе и тако о прочих. Царь ли еси? Царствуй убо, наблюдая да в народе будет беспечалие, а во властях правосудие и како от неприятелей цело сохранить отечество. Сенатор ли еси? Весь в том пребывай, како полезныя советы и суд не мздоприимный, не на лица зрящий, прямой же и правильный произносити. Воин ли еси?...» — и т. д.²¹

Подробнее обязанности монарха были изложены в известных положениях «Правды воли монаршей»: «Царей должность есть... содержать подданных своих в беспечалии и промыслять им всякое лучшее наставление к благочестию, так и честному жительству, да будут же подданныи в беспечалии; должен царь пещися да будет истинное в государстве правосудие на охранение обидимых от обидящих подданных себе; також и да будет крепкое и искусное воинство на защищение всего отечества от неприятелей. А чтобы было и всякое лучшее наставление, должен царь смотреть, чтоб были искуснии учителя как духовний, так и гражданстии довольное число. О таковых своих должностях много имеют государи учения... От сих и прочих писаний явно есть царского сана долженство, еже есть сохранять, защищать, во всяком беспечалии содержать, наставляти и исправляти подданных своих».

Очень четко обозначил Петр свои обязанности в речи 1719 года, обращенной к дворянству после казни царевича Алексея: «...первые и главные обязанности монарха, призванного богом к управлению целыми государствами и народами, состоят в защите от внешних врагов и в сохранении внутреннего мира между подданными посредством скорого и праведного воздания каждому по справедливости. Долг монарха самому вести войска свои в бой и наказывать зло в лице людей, наиболее высоко стоящих по рождению или по богатству, совершенно так же, как и в лице последнего мужика».

Разумеется, для успешного осуществления этих основных обязанностей монарха он должен, по мысли Феофана, иметь абсолютную власть, а именно: «власть законодательную крайне действительную, крайний суд износящую... а самую ни каковым же законом не подлежащую»²².

Попытки обосновать обязанности монарха и достаточно точно сформулировать пределы, точнее, беспредельность его власти — результат новых веяний, которые коснулись политической культуры России в конце XVII — начале XVIII века.

Мысли Феофана о «службе» и власти монарха не были оригинальны, они были производны от идей, которыми жила правовая и философская мысль Западной Европы того времени. Именно об этом и следует несколько подробнее сказать.

Из многих привычных символов петровской эпохи нужно особо выделить корабль под парусами, со шкипером на мостике — сразу вспоминается Пушкин:

Сей шкипер был тот шкипер славный,
Кем наша двинулась земля,
Кто придал мощно бег державный
Рулю родного корабля.

Почему корабль? Думаю, что и для Петра это тоже было не только транспортное средство для перевозки грузов по водной поверхности. Корабль — вечная любовь Петра — был для него символом организованной, рассчитанной до дюйма структуры, материальным воплощением человеческой мысли, сложного движения по воле разумного человека. Более того, корабль для Петра — своеобразная модель идеального общества, лучшая форма организации, опирающейся на знание законов природы в извечной борьбе человека со слепой стихией.

За этим символом целый пласт культуры, мир интеллектуальных ценностей эпохи рационализма, европейского XVII века, преемника Возрождения века XVI и предшественника Просвещения XVIII века. Плеяда выдающихся мыслителей оформили круг идей, создали атмосферу, которой дышали поэты, художники, ученые, государственные деятели. Среди властителей умов — Бэкон, Спиноза, Локк, Гассенди, Гоббс, Лейбниц. Эти идеи стали активно проникать в Россию вместе с реформами Петра, и имена великих философов века рационализма не были чужды русскому уху.

Что же это за идеи? Упрощая, можно выделить несколько наиболее важных.

Человек XVII века, как никогда раньше, ощутил силу опытного знания, в котором увидел средство достижения господства над природой. В этой борьбе особое место отводилось организации человеческого общества, конкретнее — государству. Оно мыслилось как установление, возникшее по воле свободных людей, заключивших, ради собственной безопасности, *договор*, по которому они передавали свои права государству. Государство, таким образом, оказывалось чисто человеческим установлением, человек мог его совершенствовать в зависимости от общих целей, которые он ставил перед собой. Государство, считал Гоббс, строят, как дом (как корабль, добавим мы, следуя заданному образу). Эту мысль часто повторяли в разных вариантах, ибо она была оружием, вытеснявшим средневековую идею неизменности и богоданности государственных форм.

Производной от этой идеи была другая — государство есть идеальный инструмент, универсальный институт воспитания людей, превращения их в сознательных, добродетельных, полезных обществу граждан. Рычагами государства служат законы и организация. Право, как и само государство, есть творение человека, и, совершенствуя законы, добиваясь с помощью учреждений их реализации, можно добиться процветания, достичь всеобщего счастья, всеобщего блага — туманной, но всегда влекущей людей цели.

Человечеству, вышедшему из обскурантистского сумрака средневековья, казалось, что наконец найден ключ к счастью — стоит правильно сформулировать законы, усовершенствовать организацию, добиться беспрекословного, всеобщего и точного исполнения начинаний госу-

дарства. (Заметим в скобках, что этими иллюзиями питаемся и мы, разрабатывая некие «всеобщие» законы типа «Закона о молодежи».) Неслучайным было усиление влияния в обществе дуализма — учения, при котором богу отводилась роль первотолчка. Далее же, считали дуалисты, природа и человек развиваются по собственным, естественным законам, которые предстоит только обнаружить и записать. Отсюда эта поразительная для нас оптимистическая наивная вера людей XVII—XVIII веков в неограниченные силы разумного человека, возводящего по чертежам, на началах опытного знания, свой дом, корабль, город, государство. У этого времени был и свой герой — Робинзон Крузо, не столько литературный образ, сколько символ века рационализма, показавший всему миру, что человек может преодолеть все невзгоды и несчастья, веря в свои силы, опираясь на опытное знание.

Важно также отметить, что в оценке общественных явлений и институтов преобладал механицизм, точнее — механистический детерминизм. Выдающиеся успехи математики и естественных наук создали иллюзию, что можно трактовать жизнь во всех ее проявлениях как процесс механический. С равным рвением такой подход применялся к физиологии, психологии, обществу, государству, ибо, согласно учению Декарта о всеобщей математике (*mathesis universalis*), все науки рассматривались как разновидность математики — единственно достоверного и, что представлялось особенно важным тогда, лишенного мистики знания.

Без учета всех этих идей можно неверно понять и замыслы Петра, и его жизненную концепцию. Конечно, было бы большим преувеличением думать, что Петр владел всей суммой философских знаний эпохи. Он не был философом, даже, вероятно, не имел философского склада ума. Но нельзя сбрасывать со счета широкое распространение (пусть даже в популярной, упрощенной форме) этих идей в общественном сознании, их роль в складывании духовной атмосферы, в которой жили мыслящие люди того времени. Нельзя забывать и того, что Петр был знаком с Лейбницем, возможно — с Локком, наконец, нужно учитывать тот пристальный интерес, который проявлял царь-реформатор к работам юристов и государствоведов Г. Гроция, С. Пуфендорфа. Книга последнего «О должности человека и гражданина» была переве-

дена при Петре на русский и очень высоко им ценилась. Важно, что в этих авторитетных трудах философские идеи века рационализма преломлялись применительно к государству. Не случайна и переписка Лейбница с Петром, где затрагивалась проблема государственных реформ и где Лейбниц дает образ государства в виде часового механизма, все колесики которого действуют в идеальном сцеплении. Не приходится сомневаться, что этот образ был близок мировосприятию Петра — истинного сына своего века.

В его подходе к жизни, людям мы видим многие черты, получившие преобладающее развитие в то время: предельный рационализм, практицизм. Петр был типичным технократом. Проявляя интерес ко многим отраслям знаний, он явно отдавал предпочтение точным наукам, вообще знаниям, имевшим прикладное, практическое значение. Кроме математики, механики, кораблестроения Петр знал и другие науки: фортификацию, архитектуру, баллистику, черчение и т. д., не говоря уже о «рукодельстве» — ремеслах. Многие из этих дисциплин входили в своеобразный «джентльменский набор» образованного человека петровской эпохи, были обязательны для дворянина точно так же, как владение шпагой, пистолетом, лошадью. В указе о переводе нужнейших в России книг Петр перечисляет те «художества», которые требуют особого внимания. Среди них упомянуты «математическое», «механическое», «ботаническое», «архитектур милитарис, цивилис», а также «анатомическое» и «хирургическое» «художества»²³.

Особым уважением Петра пользовалась медицина, точнее — хирургия. Ею Петр увлекался с давних пор, наблюдая, а потом и сам делая довольно сложные операции, степень риска которых мог по-настоящему оценить лишь сам пациент. Любовь Петра к медицине больше, чем плавание в неверной стихии моря или оглушающий рев пушек, испытываемых царем, приводила в трепет его приближенных, ибо Петр считал себя непререкаемым авторитетом в этой, как, впрочем, и в других, отрасли знаний. Он внимательно следил за здоровьем своих придворных и родственников, незамедлительно предлагая свои услуги, тем более что футляр с хирургическими инструментами всегда носил с собой, а вырванные зубы аккуратно складывал в особый мешочек. Примечательна запись в дневнике Берхгольца за ноябрь 1724 года: «Гер-

цогиня Мекленбургская (Екатерина Ивановна, племянница Петра.— Е. А.) находится в большом страхе, что император скоро примется за ее больную ногу: известно, что он считает себя великим хирургом и охотно сам берется за всякого рода операции над больными. Так в прошлом году он собственноручно и вполне удачно сделал вышеупомянутому Тамсену (точнее — Таммесу.— Е. А.) большую операцию в паху, причем пациент был в смертельном страхе, потому что операцию эту представляли ему весьма опасною»²⁴.

Когда операция оказывалась неудачной, Петр с меньшим знанием дела препарировал труп своего пациента в анатомическом театре, ибо был неплохим патологоанатомом. Примером этого увлечения Петра может служить история коллекции Фридриха Рюйша, находящейся в Кунсткамере и до сих пор вызывающей экзальтированный интерес многих гостей Ленинграда.

С этим собранием известного голландского врача и анатома Петр познакомился еще в 1698 году в Амстердаме и неоднократно пытался вывести у метра секрет изобретенного им препарирования человеческих органов, при котором они долгое время не теряли натурального вида и цвета. Однако Рюйш соглашался уступить свой секрет вместе со знаменитой коллекцией уродов только за огромную сумму. Лишь в 1717 году Петр сумел за 30 тысяч гульденов приобрести коллекцию и узнать столь важный для него секрет.

Рационализм проявлялся и в том, как Петр относился к переводам необходимых книг. В указе «труждающимся в переводе экономических книг» от 16 сентября 1724 года он писал: «Понеже немцы обыкли многими рассказами негодными книги свои наполнять только для того, чтоб велики казались, чего кроме самого дела и краткого пред всякою вещию разговора, переводить не надлежит, но и вышереченной разговор, чтоб не празной ради красоты, но для вразумления и наставления о том чтущему был, чего ради о хлебопашестве трактат выправил, вычерня негодное, и для примеру посылаю, дабы по сему книги перевожены были без лишних разказоф, которые время только тратят и у чтущих охоту отъемлют»²⁵.

Образцом рационалистического подхода Петра может служить, конечно, исправленный его рукой алфавит, из которого выброшено все, что казалось Петру затрудняющим письмо, что устарело или было несовершенно.

Искусство Петр оценивал также с позиций технократа. Произведения искусства должны были, по мысли царя, служить либо украшением, либо символом, наглядным пособием, дающим людям знания или назидательные примеры для их морального совершенствования. В остальных случаях Петр проявлял полное равнодушие к художественным сокровищам Парижа, Дрездена, Вены, Лондона. Пожалуй, лишь фейерверки и всевозможные «огненные потехи» были подлинной эстетической страстью Петра, возможно, в них он находил редкое сочетание прекрасного с полезным. Может быть, следует поверить автору известных «Анекдотов о Петре Великом» Я. Штеллину, передававшему со слов Мардефельда о том, как, взирая на фейерверк, Петр сказал прусскому посланнику: «Мне нужно увеселительным огнем приучать мой народ к огню в сражении. Я опытом узнал, что тот и в сражении меньше боится огня, кто больше привык к увеселительным огням».

Согласно другому рассказу, Петр мечтал о таком устройстве Летнего сада, чтобы гуляющие «находили в нем что-нибудь поучительное». С этой целью были оборудованы фонтаны с фигурами — персонажами Эзоповых басен, а подле каждого фонтана поставили «столб с белою жестью, на которой четким русским письмом написана была каждая баснь с толкованием»²⁶. Не в продолжение ли этой традиции рядом с каждой скульптурой Летнего сада укреплены таблички с пояснениями, а столь любимый детьми памятник Ивану Андреевичу Крылову стоит именно здесь, где некогда петровские современники разглядывали фонтаны на мотивы басен великого предшественника русского баснописца?

В литературе не раз ставился вопрос о том, был ли религиозен Петр. И большинство исследователей не пришли к определенному ответу — столь противоречивым является дошедший до нас исторический материал. Действительно, с одной стороны, мы видим — несомненная веротерпимость (исключая традиционное негативное отношение к евреям, исповедующим иудаизм), дружба с различными иноверцами, интерес к мировым религиям, естественнонаучным проблемам, отказ от ритуальных норм древнерусского «благочестия» как важнейшей черты самодержца, крайне отрицательное отношение к суевериям, корыстолюбию церковников, презрение к монашеству как форме существования, кощунственное шу-

Внутренность часовни в домике Петра I в Петербурге Гравюра Ра-
вицкого

товство всепьянейших соборов и, наконец, самое важное — реформа церкви, приведшая к ее окончательному подчинению власти государства. Все это создало Петру устойчивую в широких массах народа репутацию «табашного безбожника», «антихриста», имя которого с проклятием поминалось многими поколениями старообрядцев. Достойна примечания история с недавним обнаружением в таежной глухомани Сибири поселения старообрядцев Лыковых, помнивших и повторявших из всей истории имена только двух своих заклятых врагов — Никона и Петра, о которых они говорили так, как будто те не умерли два с половиной — три столетия тому назад, а были их современниками.

С другой стороны, читая тысячи писем Петра, отчетливо видишь, что имя божье в них — не дань традициям или привычке, бытующей и сейчас среди атеистов («слава богу», «дай бог...» и т. д.), но свидетельство несомненного религиозного чувства. Разумеется, при этом я заведомо отбрасываю слова, формулировки, ритуальные

выражения, употребляемые исключительно в пропагандистских, политических целях. Важнее другое. Антицерковная политика Петра никогда не становилась антирелигиозной. В церковной же его политике нет ни малейшей тенденции к протестантизму. Нельзя не заметить и полной пассивности и уклончивости Петра, когда деятели католицизма предлагали ему реализовать старую идею Флорентийской унии об объединении церквей. То же предлагали и протестантские епископы. Они знали, что делали, ибо в принципе это вполне отвечало идеям царя о скорейшем и теснейшем сближении России с Западом.

При всей склонности Петра к шутовству на религиозной почве он отнюдь не пренебрегал обязанностями православного христианина. Примечательна и запись в его блокноте, которая фиксирует один из аргументов спора (возможно, мысленного) царя с атеистами: «Против атеистов. Буде мнят, законы смышленные, то для чего животное одно другое ест, и мы. На что такое бедство им зделано»²⁷. Речь здесь, по-видимому, идет о тезисе, утверждающем разумное начало природы. Согласно этому тезису, ее виды возникали в соответствии с внутренними, присущими самой природе рациональными законами, не имеющими ничего общего с божественными законами. Аргументом против этого широко распространенного рационалистического тезиса, полагает Петр, является несовместимость разумности («смышленности», по терминологии царя) природы с царящей в ней жестокой борьбой за выживание, которая, по мысли Петра, разрушает внебожественную гармонию природы. Именно эта мысль и служит для него веским доказательством неправоты атеистов, отрицающих бога — творца и повелителя природы, который в концепции Петра выступает грозным Яхведеспотом, по образу и подобию которого, возможно, мыслил себя царь.

Думаю, что в целом у царя не было сложностей с богом. Он исходил из ряда принципов, которые примиряли его веру с разумом. Он считал, что нет смысла морить солдат в походах и не давать им мяса во время поста — им нужны силы для победы России, а значит, и православия. Известно, как подозрительно относился Петр к различного рода чудесам, мощам. Сохранился указ Синоду от 1 января 1723 года о том, чтобы «серебряный с изображением образа мученика Христофора ковчег, о котором его величеству Синодом докладовано, перелить в какой

пристойно церковный сосуд, а содержавшуюся во оном под именем мощей слоновую кость положить в синодальную куншт-камору и написать на оную трактат с таким объявлением, как наперед сего когда от духовных инквизиций не было, употреблялись сицевым (таким.—Е. А.) и сим подобныя суперетиции (подделки.—Е. А.), которые и от приходящих в Россию греков производимы и привозимы были, что ныне уже синодальным тщением истребляются»²⁸.

Нетрудно представить себе петровские «сентенции» церковникам, хранившим слоновую кость вместо мощей святого.

Примечательна и история с экскурсией Петра в музей Лютера в Виттенберге. Осмотрев место захоронения великого реформатора и его библиотеку, Петр с сопровождающими «были в его палате, где он жил и за печатью на стене в той палате указывали капли чернил, и сказывали, что, когда он, сидя в той палате, писал и в то время пришел к нему диавол, тогда будто он в диавола бросил чернильницу, и те чернила будто тут на стене донныне остались, которые сам государь смотрел и нашел, что оныя чернильные бразки новы и сыроваты; потом просили тамошние духовные люди, дабы государь подписал в той палате что-нибудь своею рукою на память своего бытия и по тому их прошению государь подписал мелом сие: *чернила новыя и совершенно сие неправда*»²⁹.

Но, говоря о подобных, довольно характерных для Петра проявлениях рационализма, не следует впадать в крайность, превозносить их как свидетельство его атеизма. Примечателен и не лишен правдоподобия рассказ Нартова о посещении новгородского собора святой Софии Петром и Яковом Брюсом — известным книжником, точнее, чернокнижником, алхимиком, о чьем безверии и связи с дьяволом говорили многие современники. Стоя с царем возле рак святых, Брюс рассказывал Петру о причинах нетленности лежащих в них тел. Нартов пишет: «Но как Брюс относил сие к климату, к свойству земли, в которой прежде погребены были, к балъзамированию телес и к воздержанной жизни, и сухоядению или пощению (от слова «пост».—Е. А.), то Петр Великий, приступя наконец к мощам святого Никиты, архиепископа Новгородского, открыл их, поднял их из раки, посадил, развел руки, паки сложив их, положил, потом спросил: „Что скажешь теперь, Яков Данилович?

От чего сие происходит, что сгибы костей так движутся, яко бы у живого, и не разрушаются, и что вид лица, аки бы недавно скончавшегося?“ Граф Брюс, увидя чудо сие, весьма дивился и в изумлении отвечал: „Не знаю сего, а ведаю то, что бог всемогущ и премудр“».

Может быть, Брюс действительно несколько растерялся и сразу не нашелся, что сказать Петру, который, согласно Нартову, при этом поучительно заметил: «Сему-то верю и я и вижу, что светские науки далеко еще отстают от таинственного познания величества творца, которого молю, да вразумит меня по духу»³⁰.

Представим себе эту фантазмагорическую ситуацию, когда, стоя у переворошенной священной раки с сидящим в ней мертвецом, самодержец всероссийский и ученый генерал-фельдцейхмейстер ведут философскую беседу о пределах познания мира. И эта сцена поражает своей кощунственностью (ибо нельзя забывать, что происходит она не в кунсткамере, а в одной из православных святынь, у нетленного праха, которому поклоняются поколения верующих) и одновременно тем, как точно она отражает лишенную мистики и суеверия веру Петра, основания которой он ищет как раз в бессилии науки объяснить явления, источником которых, следовательно, может быть, по мнению Петра, только бог.

Примечательна и другая сторона «рационалистической» веры царя. Он явно идентифицировал понятие бога, высшего существа, с роком, «некоей силой, управляющей нами», судьбой, бороться с которой бессмысленно. При этом он далек от христианского смирения. В письме грузинскому царю Арчилу II от 20 мая 1711 года, сообщая о смерти его сына Александра, он разворачивает свою аргументацию так: «Но что же может вам помощи в сем невозвратном уроке? Точию, яко мужу разумну, представляем во отраду три вещи, то есть великодушие, разсуждение и терпение, ибо сия обида не от человека, которому б заплатить или отмстить можем, но от всемогучего бога, которой сей непреходимый предел уставил»³¹.

Вообще, создается впечатление, что строй мыслей Петра был далек от религиозного: события, которые он наблюдал и в которых участвовал, вызывали у него (в соответствии с языком культуры европейского XVII

века — времени классицизма) не библейские, а античные образы, причем образность сравнений была не нагужна, а естественна и точна. Так, в одном из писем с победного поля под Полтавой он сравнивает гибель шведской армии с гибелью возгордившегося и не управившегося с солнечной колесницей сына бога солнца — Гелиоса Фаэтона, в другом — сравнивает уходящего от него противника с бегущей от преследователя нимфой Эхо.

Примечательны запомнившиеся царю сны, которые он сразу же записывал или приказывал записать своему секретарю. Они, отражая раскрепощенное сознание этого человека, ярко показывают особо символический склад его мышления. Сны эти состоят как бы из блоков аллегорий, имевших широкое хождение в культуре того времени, и их можно было бы использовать как описание какого-либо праздничного фейерверка, аллегоричной групповой скульптуры, предназначенной для очередного календарного праздника: «1715 г., января с 28-го на 29-е число: будучи на Москве, в ночи видел сон: господин полковник (т. е. сам Петр. — Е. А.) ходил на берегу, при реке большой и с ним три рыбака, и волновалась река, и большия прибывала волны. И идет волна, и назад отступала, и так били волны, что покрывало их. И назад отступала, а оне не отступили. И так меньше и уступила вода в старое состояние свое».

А вот сон 1723 года: «Его величество на 26-е число апреля видел сон: якобы орел сидел на дереве, а под него подлез или подполз какой зверь немалой наподобие каркадила или дракона, на которого орел тотчас бросился и с затылка у одного голову отъел, а имянно переел половину шеи и умертвил и потом, как много сошлось людей смотреть то, подполз такой же другой зверь, у которого тот же орел отъел и совсем голову и то яко бы было явно всем»³². Может ли кто из современных читателей вспомнить столь яркий аллегоричный сон? — охота кошки за мышами в счет нейдет.

Идея рационализма в полной мере распространялась и на государство, которое должно было в первую очередь подчиняться действию начал разума, логики, порядка. Петр, исходя из этих начал, жил, показывая пример служения, службы, и в соответствии с духом времени формулировал идею обязанностей монарха пе-

ред подданными. Особенно отчетливо это выразилось в манифесте о приглашении иностранцев на русскую службу от 16 апреля 1702 года. И хотя манифест остался неизвестен русскому современнику Петра и предназначался «на экспорт», идеи его примечательны для мировоззрения Петра. Вкратце они сводятся к следующему: бог определил царя обладать землями и государством и «таким образом правительствовать, дабы всяк и каждый из наших верных подданных чувствовать мог, како наше единое намерение есть о их благосостоянии и приращении усердно пещися». Поэтому Петр считал своим первейшим долгом заботиться о безопасности государства, расширении торговли — главного источника благосостояния. Кроме этих дежурных для идеального монарха обязанностей Петр «ввернул» в манифест и самую близкую для него в то время идею коренного преобразования страны на европейских началах. Именно эту задачу «сочинения российского народа» он считал важнейшей, посвятив ее решению всего себя.

Но, восхищаясь столь редкой для правителя простотой, работоспособностью, целеустремленностью и самоотверженностью Петра, нельзя забывать при этом два принципиальных нюанса: во-первых, круг обязанностей монарха по «служению» народу определялся самим монархом и варьировался по его усмотрению, не будучи нигде в законодательстве зафиксирован; во-вторых, «служба» царя и служба его подданных существенно различались между собой. Ведь для последних служба государству, вне зависимости от их желания, сливалась со службой царю, шире — самодержавию. Иначе говоря, своим каждодневным трудом Петр показывал подданным пример, как нужно служить ему, российскому самодержцу. Не случайно он однажды произнес тост, так хорошо запомнившийся очевидцу: «Здравствуй (т. е. «Да здравствует!» — Е. А.) тот, кто любит бога, меня и отечество!» Другой мемуарист (Перри) подчеркивал: «Царь обращает особенное внимание на то, чтобы его подданные сделались способными служить ему во всех этих делах. Для этой цели он не жалеет трудов и постоянно сам работает в среде этих людей...»³³

Конечно, здесь не следует все упрощать. Да, слу-

жение Отечеству, России,— важнейший элемент политической культуры петровского времени. Его питали известные традиции борьбы за независимость, за существование, немыслимое без национальной государственности. Примеров такой борьбы в допетровской истории можно найти немало. Достаточно вспомнить гражданский подвиг Минина и Пожарского, выступивших на защиту «земли» — понятия для человека средневековой Руси емкого и многозначного, включавшего в себя и общину, и город, и государство. Ополченцы 1611—1612 годов ставили перед собой цель, «чтоб вперед Московское государство строилось и было в покое и тишине, и нам бы, начальным, потом и всяким людям, быти меж собою всем в совете и любви»³⁴. Они выступили не только во имя повелителя — православного царя, которого им предстояло еще избрать, но ради «вопчева земскова дела». «Земская» традиция — одна из важнейших в истории Древней Руси. Но в предпетровские и особенно в петровские времена все же основной, определяющей оказалась иная, тоже идущая из древности традиция — отождествления власти и личности царя с государством. Развитие этой тенденции привело к слиянию представления о государственности, Отечестве — понятии, священном для каждого гражданина и символизирующем независимое национальное существование, с представлением о носителе государственности — вполне реальном, живом и, как правило, далеко не безгрешном человеке, на которого (в силу занимаемого им положения) были распространены нормы государственности. В новейшей истории отождествление личности правителя с государством, Родиной и даже народом проявилось в культе Сталина. Памятны слова призыва «За Родину, за Сталина!» или песни: «Сталин — это народ, что к победам идет/По вершинам подоблачных склонов./Сталин — наши дела, Сталин — крылья орла,/Сталин — воля и ум миллионов».

Для политической жизни России это имело, как известно, самые печальные последствия, ибо любое выступление против носителя власти, кто бы он ни был — верховный повелитель или мелкий чиновник, — могло трактоваться как выступление против персонифицируемой в его личности государственности, России, народа, а значит, могло привести к обвинению в измене, государст-

венном преступлении, признанию врагом. Особенно ясно мысль о тождественной ответственности за оскорбление личности монарха и оскорбление государства была проведена в Соборном уложении 1649 года — важнейшем правовом акте русской истории, закрепившем систему самодержавия и крепостного права. Апофеоз же этих идей наступил при Петре, что отразилось в полной мере в правовых нормах.

В воинской присяге, утвержденной при Петре, нет понятия России, Отечества, земли, а есть только понятие «царя-государя», а само государство упоминается как «его царского величества государство и земли». Но даже этих слов нет в присяге служащих, включенной в Генеральный регламент. Присяга давалась «своему природному и истинному царю и государю, всепресветлейшему и державнейшему Петру Первому, царю и всероссийскому самодержцу и прочая, и прочая, и прочая». Затем шла клятва в верности «высоким законным наследникам, которые по изволению и самодержавной е. ц. в. власти определены и впредь определяемы и к восприятию престола удостоены будут, и е. в. государыне царице Екатерине Алексеевне верным, добрым и послушным рабом и подданным быть и все, к высокому е. ц. в. самодержавству, силе и власти принадлежащие права и прерогативы (или преимущества), узаконенные и впредь узаконяемые по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять и в том живота своего в потребном случае не щадить»³⁵. О долге перед Отечеством, Россией ни слова, как видим, нет.

Вполне традиционная идея самодержавия получила при Петре новые импульсы, когда была предпринята попытка рационалистически обосновать абсолютную власть одного человека над миллионами. Необходимость этого была обусловлена тем, что обществу петровского времени было уже недостаточно сознания богоданности царской власти как единственного аргумента для ее почитания. Нужны были иные, новые, рационалистические принципы ее обоснования. Поэтому Феофан Прокопович ввел в русскую политическую культуру понятия, взятые у теории договорного права, согласно которому люди, чтобы не самоуничтожиться, должны были передать себя повелителю, обязавшему их защищать, но взамен получившему над ними полную власть. В условиях России, переживающей коренные преобразования, как производ-

ная от этих концепций выдвинулась патерналистическая идея, был сформулирован образ разумного, видящего за далекие горизонты монарха — отца Отечества, народа. В «Правде воли монаршей» Феофан доходит до парадоксального на первый взгляд, но логичного для системы патернализма вывода о том, что если государь всем своим поданным «отец», то тем самым он «по высочайшей власти своей» и своему отцу «отец».

Любопытно объясняет токарь Петра А. Нартов частые расправы царя со своими провинившимися сановниками: «Я часто видел, как государь за вины знатных чинов людей здесь (т. е. в токарне.— Е. А.) дубиною потчивал, как они после сего с веселым видом в другие комнаты выходили и со стороны государевой, чтоб посторонние сего не приметили, в тот же день к столу достаиваны были». И далее самое главное: «Но все такое исправление чинилось не как от императора подданному, а как от отца сыну: в один день наказан и пожалован». Близок к этому и рассказ Штеллина о том, как на поломанном мосту царь избил дубинкой ехавшего с ним в одноколке обер-полицмейстера Петербурга А. Девьера, приговаривая: «Впредь будешь ты лучше стараться, чтоб улицы и мосты были в надлежащей исправности, и сам будешь за этим смотреть». «Между тем,— продолжает Штеллин,— мост был починен, и гнев государя прошел. Он сел в одноколку и сказал генерал-полицмейстеру весьма милостиво, как бы ничего между ними не случилось: „Садись, брат!“»³⁶

Здесь необходимо сделать небольшое отступление. Представление о монархе, президенте, ином правителе как об «отце» своих подданных, сограждан — явление, широко распространенное у разных народов и в разное время. М. Вебер в своих исследованиях о власти ввел понятие «харизматический лидер» как промежуточный между традиционным и демократическим. Термин «харизма», заимствованный из раннехристианской литературы и применяемый по отношению к Христу — божьему избраннику, позволяет выделить ряд элементов и особенностей власти такого деятеля. Харизматический лидер — это государственный деятель, обладающий рядом качеств, благодаря которым он выделяется из среды обыкновенных людей и «считается наделенным сверхъестественными, сверхчеловеческими или, по меньшей мере, исключительными способностями и качества-

Домик Петра I в Петербурге.
Гравюра Рашевского.

Кабинет в домике Петра I.

ми. Они недоступны обыкновенному человеку, рассматриваются как исходящие от божества или образцовые, и на их основании данный индивид считается лидером».

Важны и другие особенности харизматического лидера. Он, как правило, пренебрегает (по крайней мере, вначале) материальными интересами, он окружен сподвижниками, поддерживающими харизму лидера и, как правило, извлекающими из этого вполне реальные преимущества, власть и богатства. «В сфере своих претензий харизматический лидер отвергает прошлое и в этом смысле является специфической революционной силой». Наконец, титул «Отца Отечества», «Отца нации» строго индивидуален, лидерство харизматического типа не передается по наследству, как трон.

Петру, несомненно, присущи многие черты харизматического лидера. Его власть основана не столько на традиционной богоданности, но, главным образом, на признании исключительности его качеств, их демонстративно-педагогической «образцовости» в исполнении «должности». Феофан, обращаясь к царю, но глядя при этом на огромную толпу, слушающую проповедь, патетически восклицал: «Кто тако, якоже ты изучил и делом показал еси артикул сей, еже ходити по долженству своего звания? Мнози царие тако царствуют, яко простой народ дознатися не может, что есть дело царское. Ты един показал еси дело сего превысокого сана быти собрание всех трудов и попечений, разве что и преизлишня твоего звания являети нам в царе и просто воина, и многодельного мастера, и многоименитаго делателя? И где бы довело повелевати подданным должная, ты повеление твое собственными труды твоими и предворяешь и утверждаешь»³⁷.

Вместе с тем Петр был неприхотлив, прост в быту, живя в скромном домике, затем — в тогдашних, весьма непритязательных, Летнем и Зимнем дворцах. Получая жалованье генерала и корабельного мастера, он не ел дома с золотой и даже серебряной посуды, а его коронованная супруга прилежно штопала ему чулки. Передает стиль жизни Петра и в то же время исполнение усвоенной им роли рассказ Штеллина о том, как царь, проработав целый день в кузнице, получил за выкованные им железные полосы 18 алтын (не взяв 18 золо-

Зимний дворец Петра I. Гравюра А. Ф. Зубова 1716—1717 гг.

Медаль в честь взятия Ниеншанца 1 мая 1703 г.

тых, предложенных хозяином кузни). При этом он сказал: «На эти деньги куплю я себе новые башмаки, в которых мне теперь нужда». «При сем,— отмечает Штеллин,— е. в. указал на свои башмаки, которые были уже починиваны и опять протопались, взял 18 алтын, поехал в ряды и в самом деле купил себе новые башмаки. Нося сии башмаки, часто показывал их в собраниях и при том обыкновенно говаривал: „Вот башмаки, которые выработал я себе тяжелою работою“»³⁸.

О его негативном отношении ко многим традиционным формам почитания самодержца, как и о его постоянной ориентированности на реформы, еще будет подробно рассказано в книге. Он был действительно революционер. Мы знаем, что революционность может быть различна, главное — чтобы в ней было последовательное и глубокое стремление к преобразованию, коренной ломке общества. Правда, остается открытым вопрос о цели революционной ломки (вспомним недавнюю победу исламского революционного фундаментализма в Иране). В петровской России такая ломка привела, в конечном счете, к закреплению и упрочению крепостнических структур.

Воспевание личности царя-реформатора, подчеркивание его особых личных достоинств — характернейшая черта публицистики петровского времени. Она неизбежно влекла за собой создание подлинного культа личности преобразователя России, якобы только ему обязанной всем достигнутым, возведенной только его усилиями на недостижимую прежде высоту. Как писал современник Петра И. Неплюев, «на что в России ни взгляни, все его началом имеем, и чтобы впредь ни делалось, от сего источника черпать будут»³⁹. Такой культ персоны монарха — явление, незнакомое русской политической культуре предшествующих времен.

Петровские публицисты (Феофан, Шафиров) подчеркнуто прославляли личные достоинства Петра, особо отмечая, «что не обрящется не токмо в нынешних нашей памяти веках, но ниже в гисториях прежних веков, его величеству равного, в котором бы едином толико монарху надлежащих добродетелей собрано было и которой бы не во многие лета в своем государстве, толь многие славные дела, не токмо начал, но и от большей части в действо произвел и народ свой, ко-

торый в таких делах до его государствования отчасти мало, отчасти же и ничего не был искусен, не токмо обучил, но и прославил». Уже при жизни Петра сравнивали с выдающимися деятелями русской и мировой истории: Александром Невским, Александром Македонским, Цезарем и т. д.

Трудно возвеличить личность, которая уже и так поднята на недостижимую высоту короной. И мысли идеологов обращаются к опыту Римской империи. В день празднования Ништадтского мира 30 октября 1721 года Сенат подает прошение, в котором подчеркивает особую роль царя в «произведении» России и просит принять новый, невиданный в России титул: «Всемиловитейший государь! Понеже труды Вашего Величества в *произведении нашего отечества и подданного вашего все-российского народа* всему свету известны, того ради, хотя мы ведаем, что в. в., яко самодержцу, вся [власть] принадлежит, однакож в показание и знак нашего истинного признания, что весь подданной ваш народ ничем иным, кроме единых ваших неусыпных попечений и трудов об оном, и со ущербом дражайшего здоровья вашего положенных, на такую степень благополучия и славы произведен есть, помыслили мы, с прикладу древних, особливо ж римского и греческого народов, дерзновение воспрять, в день торжества и объявления заключенного оными в. в. трудами всей России толь славного и благополучного мира, по прочтении трактата онаго в церкви, по нашем всеподданнейшем благодарении за исходотайствование онога мира, принесть свое прошение к Вам публично, дабы изволили принять от нас, яко от верных своих подданных, во благодарение титул *Отца Отечества, Императора Всероссийского, Петра Великого*, как обыкновенно от Римского Сената за знатные дела императоров их такие титулы публично им в дар приношены и на статуях для памяти в вечные годы подписываны»⁴⁰.

Обращение к опыту Рима не случайно. Ориентация на императорский Рим, на Рим — столицу мира вообще, прослеживается в символике императорской России, да и на более раннем этапе. Это проявляется, как отмечал в своих работах Г. В. Виллинбахов, и в названии новой столицы по имени святого Петра — Санкт-Петербург, и в названии патронального собора, и в гербе города,

повторяющем перекрещенные ключи с государственного флага Ватикана.

Важно при этом заметить, что в соответствии с принципами харизмы титул «Отца Отечества» был привилегией только Петра, не являлся обязательным атрибутом российских императоров. И хотя впоследствии преемники первого императора восхвалялись за несуществующие личные достоинства и «щедроты» к российскому народу, официально они не имели его. Правда, уподобляясь своему великому отцу, Елизавета называлась «Матерью Отечества», но никаких возвышающих душу образов и сравнений у современников ее это не вызывало.

Реформы, тяжелый труд в мирное и военное время воспринимались Петром как постоянная учеба, школа, в которой русский народ постигал знания, неведомые ему ранее. В манифесте 16 апреля 1702 года, которым иностранные специалисты приглашались приехать в Россию, отмечалось, что одна из важнейших задач самодержавия — «к вящему обучению народа доходить тако учредить, дабы наши подданные коль доле, толь вещь ко всякому обществу и обходительству со всеми иными христианскими и во нравах обученными народы удобны сочинены быть могли»⁴¹.

Северная война так же устойчиво связывалась с понятием учения. Получив известие о заключении Ништадтского мира, Петр воспринял это событие как получение аттестата об окончании (правда, с опозданием) своеобразной школы. В письме В. В. Долгорукому по поводу заключения мира он пишет: «Все ученики науки в семь лет оканчивают обыкновенно, но наша школа троекратное время была (21 год), однакож, слава богу, так хорошо окончилась, как лучше быть невозможно»⁴². Известно и его выражение «Аз есмь в чину учимых и учащих мя требую».

Действительно, концепция жизни — учебы, обучения — типична для рационалистического восприятия мира, типична она и для Петра, человека необычайно любознательного, активного и способного. Но в школе, в которую он превратил страну, место Учителя, знающего, что нужно ученикам, он отводил себе. В обстановке бурных преобразований, когда цели их, кроме самых общих, не были отчетливо видны и понятны всем и встре-

чали открытое, а чаще скрытое сопротивление, в сознании Петра укреплялась идея разумного Учителя, с которым он идентифицировал себя, и неразумных, часто упорствующих в своей косности и лени детей-подданных, которых можно приучить к учению и добрым делам только с помощью насилия, из-под палки, ибо другого они не понимают.

Об этом Петр говорил не раз. Отвечая голштинскому герцогу, восхищавшемуся токарными «работами» Петра, царь, по словам Берхгольца, «уверял, что кабинетные его занятия — игрушка по сравнению с трудами, понесенными им в первые годы при введении регулярного войска и особенно при заведении флота, что тогда он должен был разом знакомить своих подданных, которые, по его словам, прежде предавались, как известно, праздности, и с наукою, и с храбростью, и с верностью, и с честью, очень мало им знакомою».

Еще более откровенно Петр выразил свои мысли в указе Мануфактур-коллегии 5 ноября 1723 года по поводу трудностей в распространении мануфактурного производства в стране: «Что мало охотников и то правда, понеже наш народ, *яко дети неучения ради*, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера *не приневолены бывают*, которым сперва досадно кажется, но когда выучатся, потом благодарят, что явно из всех нынешних дел не всель неволею сделано, и уже за многое благодарение слышится, от чего уже плод произошел»⁴³.

Мысль о насилии, принуждении как универсальном способе решения внутренних проблем, как известно, не нова в истории России. Но Петр, пожалуй, первый, кто с такой последовательностью, систематичностью использовал насилие для достижения высших государственных целей, как он их понимал.

Среди новелл, составляющих воспоминания Андрея Нартова, есть одна, привлекающая особое внимание. Нартов передает целостную концепцию власти самодержца, как ее понимал царь: «Петр Великий, беседуя в токарной с Брюсом и Остерманом, с жаром говорил им: „Говорят чужестранцы, что я повелеваю рабами, как невольниками. Я повелеваю подданными, повинующимися моим указам. Сии указы содержат в себе добро, а не вред государству. *Англинская вольность здесь не у места, как к стене горох.*»

Петр Великий. Император Всероссийский. Отец Отечества.

Надлежит знать народ, как оным управлять. Усматривающий вред и придумывающий добро говорить может прямо мне без боязни. Свидетели тому — вы. Полезное слушать рад я и от последнего подданного; руки, ноги, язык не скованы. Доступ до меня свободен — лишь бы не отягощали меня только бездельством и не отнимали бы времени напрасно, которого всякий час мне дорог. Недоброходы и злодеи мои и отечеству не могут быть довольны; узда им — закон. Тот свободен, кто не творит зла и послушен добру»⁴⁴.

Хотя «Анекдоты» Нартова содержат много недостоверного, но этот заслуживает доверия, ибо подтверждается другими документами и отражает умонастроение Петра.

Идея патернализма определяет все: он, Петр, единственный, кто знает, что нужно народу, и его указы, как содержащие лишь безусловное добро, обязательны к исполнению всеми подданными. Недовольные законами, изданными царем, — «злодеи мои и отечеству». Примечательно и убеждение царя, что в России, в отличие от Англии, такой путь приведения страны к добру — единственный. Причем этот гимн режиму единовластия (а в сущности — завуалированной тирании, при которой закон имеет единственным источником волю властителя) обосновывается все теми же перечисленными выше обязанностями монарха, призванного богом к власти, а значит, имеющего право повелевать и знающего, в силу божественной воли, что есть благо.

Как записал в свой дневник Берхгольц, его повелитель, герцог Карл-Фридрих, решил угодить Петру в дни торжеств по поводу Ништадтского мира и построил триумфальную арку, украсив ее с правой стороны изображением «Ивана Васильевича I (Ивана IV. — Е. А.) в старинной короне, положившего основание нынешнему величию России, с надписью «Incepit» (начал). С левой же стороны, в такую же величину и в новой императорской короне изображен был теперешний император, возведший Россию на верх славы, с надписью «Perfecit» (усовершенствовал)». Другой придворный голштинского герцога, граф Брюммер (будущий воспитатель Петра III), рассказывал Штеллину о весьма положительной реакции царя на приведенную аналогию и историческую связь. Петр якобы сказал: «Этот государь (указав на царя Ивана Васильевича) — мой предшественник и пример. Я всегда принимал его за образец в благоразумии и храбрости, но не мог еще с ним сравняться. Только глупцы, которые не знают обстоятельства в его времени, свойства его народа и великих его заслуг, называют его тираном»⁴⁵.

Думаю, что вряд ли мемуаристы далеко уклоняются от истины, касаясь политических симпатий царя. Они очевидны и вытекают из его философии власти. То сообщение, что Петр мало знал о своем предшественнике —

Иване Грозном — и потому восхищался им, значения в данном случае не имеет: ведь нам известно, что глубокие знания о кровавой тирании Ивана, накопленные поколениями историков, не смогли тем не менее поколебать устойчивых политических симпатий к средневековому тирану Сталина — этого «душегубца и мужикоборца» новейших времен.

Концепция принуждения основывалась не только на вполне традиционной идее патернализма, но, вероятно, и на особенностях личности Петра. В его отношении к людям было много того, что можно назвать жестокостью, нетерпимостью, душевной глухотой. Человек с его слабостями, проблемами, личностью, индивидуальностью как бы не существовал для него. Создается впечатление, что на людей он часто смотрел как на орудия, материал для создания того, что было им задумано для блага государства, империи. Думаю, что Петру должны были быть близки мысли Ивана Грозного, корившего Курбского и ему подобных за непослушание на том основании, что «бог их [подданных] поручил в работу» ему, самодержцу⁴⁶. Конечно, следует отметить, что для Ивана понятие «работа» идентично понятию «рабство», а «работные», все без изъятия, — отданные в рабство подданные. Но вместе с тем в отношении Петра и Ивана к подданным было много общего.

Довольно странная шутка и сомнительная аллегория встречаются в письме царя из-под Шлиссельбурга от 19 апреля 1703 года Т. Стрешневу, ведавшему набором солдат в армию: «Как ваша милость сие получишь, изволь не помедля еще солдат сверх кои отпущены, тысячи три или больше прислать в добавку, понеже при сей школе много учеников умирает, того для *не добро голову чесать, когда зубы выломаны из гребня*»⁴⁷.

Очень выразительным кажется и письмо в Петрозаводск по поводу болезни личного врача Петра доктора Арескина, который многие годы входил в ближайшее окружение царя. 2 декабря 1718 года Петр писал В. Геннину — местному начальнику: «Господин полковник. Письмо твое ноября от 25-го дня до нас дошло, в котором пишешь, что доктор Арескин уже кончаеца, о котором мы зело сожалеем, и ежели (о чем боже сохрани) жизнь ево уже прекратилась, то объяви доктору Поликалу, дабы ево распорол и осмотрил внутренне члены, какую он бо-

лезнию был болен и не дано ль ему какой отравы. И осматривая, к нам пишите. А потом и тело ево отправьте сюды в Санкт-Питербурх. *Петр*»⁴⁸.

Поразительная предусмотрительность царя обусловлена тем, что он заподозрил отравление Арескина, сторонника Якова Стюарта — претендента на английский престол, склонявшего Петра поддержать «якобитов». Вполне допустимо, что Петр подумал о заговоре, в чем-то угрожавшем ему. Но в данном случае наше внимание обращает на себя холодный прагматизм, жутковатая деловитость в отношении достаточно близкого ему человека. С такой же деловитостью в 1709 году он поучал Апраксина, как допрашивать больного государственного преступника: «О протопопе троицком извольте учинить по своему рассмотрению. Ежели будет вам время, то извольте ево взять к Москве и, хотя за болезнию ево пытать нельзя, однакож выпытывать возможно и не поднимаячи, а имянно, чтоб бить, разлома плетьюми или батогами и при том спрашивать»⁴⁹.

Было бы неверно думать о некоей патологии царя — Петр не проявлял палаческих склонностей. Он жил в жестокий век, дети которого бежали, как на праздник, к эшафоту, и войска с трудом сдерживали толпу, стремившуюся поближе насладиться зрелищем мучительной казни очередного преступника. Да, век был суров, но, как справедливо сказал поэт А. Кушнер, «что ни век, то век железный», и нельзя не заметить, что в отношении Петра к людям многое шло от самой личности, от свойств души этого сурового, жестокого и бесцеремонного к окружающим человека.

Мемуаристы отмечают, как, например, сидя рядом с бургомистром вольного города Гданьска на торжественном богослужении, данном в честь высокого гостя в центральном соборе, Петр вдруг содрал с головы бургомистра парик и нахлобучил его на свою голову. После окончания службы он с благодарностью вернул парик ошеломленному хозяину. Все было предельно просто — оказывается, во время мессы царю стало холодно от гулявших по собору сквозняков. И он сделал то же, что не раз проделывал со своими спутниками и слугами⁵⁰.

Несомненно, Петр был человеком сильных чувств и в их проявлениях — резок, порывист. Эти чувства подчас охватывали его целиком. Даже деловые письма иногда

передают эту страстность. Вот только один пример. 6 февраля 1710 года Петр получил долго ожидаемое подтверждение из Стамбула о том, что турки отменили военные приготовления против России и тем самым развязали ему руки для действий в Прибалтике. 7 февраля Петр пишет А. Кикину: «Вчерашнего дни от давного времени *с великою жаждою* ожидаемого курьера из Константинополя получили... и теперь уже *в одну сторону* очи и мысль имеем»⁵¹. И таких экспрессивных, выразительных писем в эпистолярном наследии Петра немало.

После сказанного нетрудно понять, каким страшным, не знавшим границ мог быть гнев Петра. Примечательно, что в состоянии сильного раздражения у него вдруг начинался припадок, приводивший окружающих в состояние ужаса.

Вот как описывает такой случай Юст Юль, вместе с канцлером Головкиным участвовавший в январе 1710 года в торжественной церемонии вступления русской армии — победительницы при Полтаве — в Москву:

«Мы проехали таким образом порядочный конец, как вдруг мимо нас во весь опор проскакал царь. Лицо его было чрезвычайно бледно, искажено и уродливо. Он делал различные страшные гримасы и движения головою, ртом, руками, плечами, кистями рук и ступнями.

Тут мы оба вышли из кареты и увидали, как царь, подъехав к одному простому солдату, несшему шведское знамя, стал безжалостно рубить его обнаженным мечом и осыпать ударами, быть может за то, что тот шел не так, как хотел царь. Затем царь остановил свою лошадь, но все продолжал делать описанные страшные гримасы, вертел головою, кривил рот, заводил глаза, подергивал руками и плечами и дрыгал взад и вперед ногами. Все окружавшие его в ту минуту важнейшие сановники были испуганы этим, и никто не смел к нему подойти, так как все видели, что царь сердит и чем-то раздосадован... Описанные выше страшные движения и жесты царя докторы зовут конвульсиями. Они случаются с ним часто, преимущественно, когда он сердит, получил дурные вести, вообще, когда чем-нибудь недоволен или погружен в глубокую задумчивость. Нередко подобные подергивания

в мускулах рук находят на него за столом, когда он ест, и если при этом он держит в руках вилку и ножик, то тычет ими по направлению к своему лицу, вселяя в присутствующих страх, как бы он не порезал или не поколлот себе лица. Говорят, что судороги происходят у него от яда, который он будто бы проглотил когда-то, однако вернее и справедливее предположить, что причиной их является болезнь и острота крови и что эти ужасные на вид движения — топание, дрыгание и кивание — вытекают известным припадком сродни апоплексическому удару»⁵².

Отметим для полноты картины следующее. Нартов, хорошо знавший быт Петра, дает другую версию причин конвульсивных движений, поражавших время от времени царя, а именно — тяжелые детские воспоминания об ужасе стрелецкого бунта 15 мая 1682 года, когда десятилетний мальчик стал свидетелем кровавой расправы с близкими ему людьми. Нартов записал: «О бунтах стрелецких некогда промолвил государь: «От воспомина-ния бунтовавших стрельцов, гидр отечества, все уды (члены.— Е. А.) во мне трепещут, помысля о том, заснуть не могу. Такова-то была сия кровожаждающая саранча!» Государь по истине имел иногда в nocturne время такие конвульсии в теле, что клал с собою деньщика Мурзина, за плечи которого держась, засыпал, что я сам видел. Днем же нередко вскидывал голову вверх...»⁵³.

Случай расправы с солдатом в 1710 году достаточно типичен. Спустя десять лет — в 1720 году, на очередном параде, другой современник, В. А. Нащокин, наблюдал почти то же самое: «Когда оных пленных вели и... сам государь, будучи в мундире гвардии, учреждал конвой и как итить с пленными до крепости, а лейб-гвардии Семеновского полка капитан старший Петр Иванов сын Вельяминов в то учреждение своим представлением вмешался, котораго государь при всей той оказии бил тростью»⁵⁴.

Вряд ли нужно было бы фокусировать внимание читателя на этих неприглядных сценах расправы с людьми, которые не могут ответить, если бы палка не была своеобразным символом системы насилия, культивируемого Петром.

Вероятно, об успехах «дубинной» педагогики говорить

+
 Иванъ Васильевичъ
 принятии те на рождество
 междоуменъ и сего тѣмъ
 это тѣмъ на то и по
 вѣдѣнъ не по нѣмъ
 1703 г. 12. 1703

Факсимиле письма Петра. 1703 г

не приходится. Нартов вспоминал размышления царя на этот счет: «Государь, точа человеческую фигуру в токарной махине и будучи весел, что работа удачно идет, спросил механика Нартова: „Каково точу я?“ И когда Нартов отвечал: „Хорошо“, то сказал его величество (со вздохом, добавили бы мы на месте Нартова.— Е. А.): „Таково-то, Андрей, кости точу я долотом изрядно, а не могу обточить дубиною упрямов“. В другом случае «государь,— пишет Нартов,— возвратясь из Сената и видя встречающую и прыгающую около себя собачку, сел и гладил ее, а при том говорил: „Когда б послушны были в добре так упрямы, как послушна мне Лизета (любимая его собачка), тогда не гладил бы я их дубиною. Моя собачка слушает без побой, знать в ней более догадки, а в тех заматерелое упрямовство“»⁵⁵.

Письма Петра к чиновникам, командирам полны требований проявить дисциплину, инициативу, быстроту — то, что в данный момент было нужно для пользы дела.

Почти каждое такое требование сопровождалось угрозой насилия, расправы. Приведу примеры. Вот типичный указ о строительстве судов для армии 30 мая 1722 года: «Смотреть того, чтоб делали как суды, так и такелаж не образом только, но делом, чтоб были крепки и добрым мастерством и сие *не токмо волею, но и неволею делать*, а ослушников штрафовать сперва деньгами, а в другой раз и наказанием».

В письме А. Меншикову от 6 февраля 1711 года он, недовольный и опечаленный волокитой губернаторов, обещал при этом утолить свои печали привычным для себя способом: «А доныне бог ведает, в какой печали пребываю, ибо губернаторы зело раку последуют в происхождении своих дел, которым последний срок в четверг на первой неделе, а потом буду *не словом, но руками с оными поступать*».

Часто встречается в указах Петра своеобразная «формула угрозы»: «...тогда *не мините не только жестокий ответ дать, но и истязаны будете*»⁵⁶. Весьма суровые указы Петр посылал сенаторам, не особенно церемонясь с высшими сановниками России. И они знали, что угрозы эти не останутся на бумаге. Примечателен в этом смысле указ Сенату от 2 июля 1713 года, в котором — весь Петр: «Господа Сенат! Понеже уведомлены мы, что вы по доносам фискальским ни единого главного дела не вершили, но все проманеваете время до времени, забывая бога и души свои, того ради сие последнее, о сем пишу к Вам. Ежели пяти или шти дел главных, буде более не успеете (о которых вам будут фискалы доносить) до ноября первого числа не вершите и преступником (которые для своих польз интерес государственной портят) не учините *смертную казнь, не щадя никою в том и ежели инако в том поступите, то вам сие будет. Петр*»⁵⁷.

Многочисленные призывы и угрозы не могли заставить людей делать так, как этого требовал Петр: точно, быстро, инициативно. Мало кто из его сподвижников чувствовал себя уверенно, когда приходилось действовать без указки царя, самостоятельно, на свой страх и риск. Это было неизбежно, ибо Петр, по точным словам В. О. Ключевского, «надеялся грозою власти вызвать самодетельность в порабощенном обществе и через рабовладельческое дворянство водворить в России европей-

скую науку, народное просвещение как необходимое условие общественной самодеятельности, хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно. Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства — это политическая квадратура круга, загадка, разрешавшаяся у нас со времени Петра два века и доселе неразрешенная»⁵⁸.

Характерным для многих петровских сподвижников было ощущение беспомощности, отчаяния, когда они не имели точных распоряжений царя или, сгибаясь под страшным грузом ответственности, не получали его одобрений. Обращает на себя внимание письмо президента Адмиралтейской коллегии Ф. М. Апраксина от 31 декабря 1716 года к секретарю: «В надеянии вашем прошу для бога не оставь нас безизвестна, извольте ль быть к нам, *истинно во всех делах как слепые бродим* и не знаем, что делать, стали везде великая растройка, а где прибегнуть и что впредь делать не знаем, денег ниоткуда не везут, все дела становятся»⁵⁹. И это пишет один из влиятельнейших людей того времени, человек, облеченный доверием грозного царя!

Читая такие письма, Петр имел все основания полагать, что без него все дела встанут и что он единственный, кто знает, как и что нужно делать. Вместе с этим чувством исключительности Петром, далеким от самолюбования и пустого тщеславия, должно было владеть другое чувство — чувство одиночества, сознание того, что его боятся, но не понимают, делают вид, что трудятся, но ждут когда он отвернется, умрет, наконец. Это было неизбежным и трагическим следствием всякой авторитарности, насилия, естественным образом порождавших лень раба, воровство чиновника, социальное иждивенчество и аморальность. Как справедливо заметил А. Яковлев, «после реформ Петра I, заложивших основу тотальной государственности, взять у государства для многих людей — от крепостного до губернатора — стало делом доблести»⁶⁰.

Государственных денег не жалко,
слово чести для вас не звучит
до тех пор, пока толстою палкой
государство на вас не стучит⁶¹.

К концу жизни, лишившись сына Петра — наследника и надежду, — царь мог воскликнуть, как некогда в

письме уничтоженному им же царевичу Алексею: «...ибо я есмь человек и смерти подлежу, то кому вышеписанное с помощью вышнего насаждение и уже некоторое и возвращенное оставляю?»⁶²

Да, он был смертным человеком, и судьбе было угодно обречь его на тяжкую смерть. В ней было много символичного и неясного, как и в судьбе России, которой предстояло жить без Петра...

Однако обратимся сначала к событиям Северной войны, к началу той жестокой школы жизни, пройдя которую молодой русский царь стал императором Петром Великим.